Нориэль быстро понял, что Малик немного слукавил: они не «навестили» племя, а поселились в нём. Возможно, варвар и сам был не уверен в том, что всё пройдёт без сучка и задоринки, но с помощью одного эльфа всё закончилось настолько идеально, насколько это вообще было возможно. Если и оставались недовольные, то игра мальчишки умудрилась сгладить любые шероховатости.

Всё же, Малика ценили. Не только за силу.

Нориэль, наблюдая за всем со стороны, видел всю ту харизму, что излучал его друг. Видел, как к нему тянулись смеющиеся дети. Видел, с каким интересом на него смотрят женщины. Видел, какое уважение испытывают молодые мужчины и уже бывалые охотники.

Возвращению блудного варвара были рады, и особенно — молодые люди. По какой-то причине Нориэль думал, что им придётся намного сложнее, однако реальность складывалась так, что нелюбовь к буйному молодому воину была, в большинстве своём, только у высокопоставленных представителей племени, пожилых людей и у вождя, что не мог терпеть неуважения от сына обычного, далеко не самого почитаемого охотника, простого человека.

Впервые Нориэль увидел настоящее классовое неравенство, осознал, что правила не несут абсолютный характер и, в зависимости от ситуации, могут меняться или подстраивается под определённых субъектов.

Нориэль осознал, что правила для людей были созданы такими же людьми, и эти же правила могли в любой момент измениться другими людьми.

Это был для подростка интересный, пусть и немного печальный опыт. Человеческое общество оказалось намного более сложным, чем думал Нориэль. И это был не минус — наоборот. Только-только выбравшийся из лап скуки эльф был рад изучать и познавать новое. Проблема была в том, что…

Нориэль начал понимать всю не идеальность системы. Подросток потихоньку приходил к мысли, что идеальной она, учитывая человеческое мышление, просто не могла стать. Не на данном этапе.

Буквально один день нахождения в среде людей дал Нориэлю столько мыслей для размышлений, что ему хотелось хотя бы парочку месяцев просто посидеть на дереве и повтыкать на рассвет, который молодой эльф всегда встречал с большой радостью. Увы, люди жили совсем в другом темпе, и Нориэлю, как тому, кто захотел погрузиться в чужую культуру, приходилось играть по чужим правилам.

Весь день подросток следовал за Маликом. Варвар по-хозяйски обходил всё племя, собирая толпы людей, рассказывая о том, как они на пару с Нориэлем охотились и отправлялись в такие дали леса, какие не снились и самому смелому охотнику. Особенно много молодой воин рассказывал про то, как они встретили лесной мираж, одно из самых опасных и непонятных сущностей леса, и как своей волшебной игрой один конкретный длинноухий умудрился спасти их из лап…

Нет, не смерти. Чего-то похуже.

Нориэль восхищался ораторскими способностями своего друга. Подросток искренне не понимал, как можно рассказывать одни и те же истории на протяжении всего дня, практически не повторяясь в словах и сравнениях. Малик настолько ярко и живо рассказывал про их путешествия, что даже сам молодой эльф ненароком задумался над тем, какие же они

храбрые, отчаянные и сильные чудотворцы.

Первые часика два-три, правда.

Достаточно быстро подросток справился с наваждением и начал замечать, что варвар…

Скажем так — умудрялся немного украшать их походы. Ловко, совсем незаметно, в деталях, которые, на первый взгляд, ничего не значили, но при этом полностью меняли восприятие всей истории.

Память у Нориэля была очень хорошей. Было бы странно, будь она плохой. И он точно помнил, что чёрная змея, на которую они охотились, была не настолько яростной и опасной, как описывал варвар.

Скорее, она была уже старой и очень ленивой. На Нориэля змея в принципе не планировала нападать — подросток мог даже сказать, что она к нему была дружелюбной. Змея была совсем не против поговорить с эльфом, но разговор так и не случился: пришёл варвар. Малик атаковал её, и ей пришлось атаковать в ответ. И даже так — её выпады были ленивыми, усталыми. Она и сама не хотела уже жить.

Однако Малик не уточнял этих подробностей, изменяя или опуская совсем уж незначительные детали.

Как и не уточнял, что наткнулись в глубинах леса на так называемого «лесного миража» они не потому, что хотели исследовать лес, а из-за глупости: иначе Нориэль не мог назвать то, что они слишком увлеклись охотой на удивительно ловкого и быстрого рогатого кролика, просто не заметив, как углубились в лес… слегка дальше запланированного.

Самым же странным для Нориэля было то, что люди, кажется, наоборот были рады услышать приукрашенную историю. Их слабо интересовало то, что чистая правда была размыта каплями лжи. Казалось, она лишь добавляла странной сладости. Даже суровый вождь с пожилыми членами племени, нет-нет, да довольно кивали, живо представляя всё то, что рассказывал блудный варвар.

А уж когда Нориэль, следуя невербальным командам варвара, начинал дополнять его рассказы своей игрой на флейте, то даже самые скептичные начинали довольно хлопать в ладоши, кто-то — петь (как казалось молодому эльфу, не лучшим образом), а кто-то и танцевать (ещё хуже, чем петь, кстати говоря).

Ночью своеобразный праздник возвращения продолжился. Горели огни, на ночной улице стоял смех и хохот. Всё внимание было сосредоточено вокруг Малика и его бесчисленных рассказов, трофеев, которые он с гордостью показывал всем в племени, обещая, что в будущем их будет только больше.

И как бы Нориэль не пытался игнорировать тираду своего друга, одна из речей его насторожила, подготавливая подсознание к суровой реальности.

— Наше племя продолжит жить! — прокричал под довольные крики молодых людей Малик. — Мы не просто вернём былую славу, но и пойдём дальше!

Нориэль почувствовал, как варвар выпустил в окружающее пространство свою внутреннюю силу. Концентрированную, столь огромную, что воздух на многие десятки метров стал заметно тяжелее. Энергия владельца целиком и полностью передавала не только его темперамент, но и

пыталась навязать окружающим свою волю.

Чудо варвара могли прочувствовать даже обычные люди, став заметно тише. Если тепло внутри Нориэля помогало ему противиться энергии друга, да и духи поддерживали его, то у остальных такой благодати не было. Они становились перед сверхчеловеком, которому действительно повезло родиться с гигантским потенциалом, абсолютно беззащитными.

Но в данном контексте это лишь играло Малику на руку.

Молодой воин, видя, насколько внимательными стали взгляды членов его племени, выждав недолгую паузу, вдохновлённо продолжил:

— С силой, которой меня одарили Великие Духи, мы прославим себя и наших предков! Наши потомки будут распевать песни про нас! Мы положим конец бессмысленным конфликтам и поко…

Нориэль, играя на флейте, впервые почувствовал, как иллюзорный образ его первого друга не счастливо хлопал в ладоши, наслаждаясь его игрой, а просто стоял и смотрел на происходящее, зная, что скоро может произойти что-то, что оставит след на душе Нориэля на многие века.

Как иллюзорный, несуществующий, давно отправившийся в следующую жизнь образ понимал, что они находились на пороге чего-то ужасного, так это понимал и подросток.

Неожиданно Нориэль понял, что какое-то время с деревом, на котором он занимался последнее время медитациями, он не увидится.

Почему-то эта мысль его немного…

Напугала.

Праздник продолжался.

***

— И чего ты такой грустный, Нориэль? Расстроен тому, что этот старик отказался обмениваться знаниями? Это тебе ещё повезло, что рядом с ним не было других старых ворчунов, ха-ха-ха! Они бы тебя там заживо сожрали. Надо же было такое сказать!

До раздражительного бодрый голос Малика отвлёк мальчишку. Он общался с пролетавшей мимо птицей, которая, заметив, как ей машет рукой Нориэль, без всяких забот или подозрений приземлилась на его руку. Её не интересовало, что недалеко было племя, которое было совсем не прочь перекусить птичкой, как она и не сомневалась в том, что Нориэль ей не навредит.

Теперь же, птица, завидев приближение варвара, тут же взлетела. Быстро, нервно, будто за ней пришла сама Смерть с железным топором. Или какие там Смерти у птиц?..

Нориэль проводил птицу взглядом, поморщившись.

Он только собирался с ней обсудить то, как она видит с неба рассвет.

«Глупая птица, — мысленно пожаловался Нориэль. — Или… слишком умная?..»

Молодой эльф отогнал предательские мысли, повернув голову на улыбчивого, пусть и усталого, друга. В глазах варвара горел ничем не прикрытый огонь, что как радовало Нориэля (в конце концов, его друг был счастлив), так и наводило на не самые положительные мысли. Какие — мальчишка, в силу отсутствия опыта, сказать точно не мог.

— Меня приняли, — улыбнулся слабо Нориэль. По какой-то причине он чувствовал сильную ментальную усталость и был не прочь вздремнуть. Нориэль чувствовал, что, как это было и в случае с Айшей, спать он скоро начнёт очень и очень много. — Это самое главное.

Ближе к утру, когда все начали расходиться, в шатре вождя состоялся разговор. Для Нориэля — особенно тяжелый, ибо он впервые увидел заточенных в «ловцах снов» духов, что до чёртиков напугало как перерождённого духа природы, так и его невидимых спутников. На протяжении всего нахождения в шатре мальчишка хотел как можно быстрее сбежать, предварительно освободив неразумных бедолаг, и лишь здравый смысл ему шептал, что это будет не самым умным решением.

Как ни странно, волшебного флейтиста, несмотря на то, что он явно не принадлежал к человеческой расе, с оговорками, но приняли. Слишком уж хорошее впечатление создал Малик, слишком хорошую почву подготовил и слишком была волшебной игра «нелюдя». Был лишь один спорный момент: перерождённый дух абсолютно наивно предложил вождю обмен знаниями. Он готов был передать все накопленные знания без остатка в обмен на то, чтобы перед ним открылось чуть больше секретов в управлении и природе чуда, не видя в этом ничего плохого. В конце концов, как ему казалось, от этого были в выигрыше все.

Конфликта удалось избежать лишь благодаря своевременному вмешательству молодого варвара и, как ни странно, той же природе Нориэля. Мальчишка имел все основания полагать, что…

Его немного опасались, пусть вождь в этом никогда бы и не признался.

Стоило заметить, что молодой эльф за один день испытал до неприятного много новых впечатлений. И чья это была вина? Естественно, самого эльфа!

Малик довольно хохотнул, хлопнув Нориэля по плечу.

Мимоходом подросток заметил, что парень стал выше и коренастее. Ещё суровее и опаснее.

— Зришь в корень, мой ушастый друг, — подмигнул Нориэлю Малик. — Не волнуйся по этому поводу. В конечном итоге племя станет всё равно моим. А вместе с племенем — и все накопленные знания. Нужно лишь немного подождать. Помнишь, что я обещал? Что знаю я — будешь знать и ты.

— Я помню, да, — улыбнулся чуть ярче молодой эльф.

Всё же, ему было приятно осознавать, что его друг помнил своё обещание. Айша, что порой обижало Нориэля, частенько забывала свои мелкие обещания. Одну рыбку она ему так и не поймала, а он ждал до самого последнего.

Нет-нет, Нориэль совсем не был злопамятным. И обиды, конечно же, не держал. Глупость.

У него просто память была хорошая.

— Я видел, что тебе было некомфортно в шатре, — тем временем плавно перевёл тему варвар,

чуть отойдя от Нориэля. — Тебя смутили заключённые мелкие духи вождя?

Нориэль не ответил.

Ответ молодому варвару, впрочем, и не нужен был.

— Вижу, что да, — сложил задумчиво руки парень. — Хотел бы, чтобы я их освободил?

Ухо эльфа потешно дёрнулось. Он поднял полный изумления взгляд на Малика.

— Разве…

— Они нужны одному только вождю, — отмахнулся беззаботно варвар. — Мне же до них нет никакого дела. Моё чудо в другом. Когда я стану следующим вождём, только Иси и сможет жаловаться. Глупых приближённых старика будет заткнуть и того проще. Но, уж поверь, хе-хе, она не посмеет.

— Иси? — непонимающе нахмурился Нориэль.

Взгляд Малика стал более лукавым.

— Единственная дочь вождя, унаследовавшая дар предков. Моя женщина. Думаю, вождь уже об этом догадывается.

Варвар громко, злобно засмеялся, будто сделал какую-то очень неприятную для вождя пакость. Нориэль почувствовал, как у него зачесался нос.

— Разве в вашей культуре главенствующую роль не берёт мужчина? Почему у вождя нет сына?

— О? — перестал смеяться Малик, странно покосившись на Нориэля. — Удивительно, что ты обратил внимание на это. А ты быстро учишься, Нориэль. У него был сын.

Подросток моргнул, на секунду задумавшись над формулировкой ответа.

— Он… отправился к духам предков?

Малик вновь подошёл к мальчишке, хлопнув по плечу. На этот раз, впрочем, он его несильно сжал, смотря прямо в глаза.

— Именно так, ушастый. Не прошёл посвящения в лесу, слишком глубоко зашёл. А ведь слышал духов. Глупая смерть, не так ли?

Взгляд Малика, как показалось Нориэлю, загорелся ещё сильнее. Мальчишка медленно кивнул.

Действительно, глупая смерть. Обидная.

Варвар неожиданно вдохнул холодного воздуха, отойдя от Нориэля, будто пытаясь потушить что-то внутри себя, подняв взгляд на восходящее солнце.

— Нас ждёт долгий путь, мой ушастый друг. Ты так не думаешь?

Нориэль поднял за Маликом взгляд на солнце, кивнув. Оно его немного успокаивало и наводило на положительные мысли. Нориэль верил, что его друг выполнит обещание и он

получит столь желанные знания; в племени он сможет ещё лучше понять быт людей и наполнить свою жизнь столь желанными эмоциями.

Про скуку мальчишка уже и не вспоминал. Его желание было исполнено.

Другое дело, что у всего была своя цена.

— Ты прав, Малик.

Нориэль, смотря на рассвет, мимоходом задумался над тем, чтобы вновь начать делать скворечники для птичек.

А ещё…

Он обязательно должен был вырастить с помощью своего чуда как можно больше фиолетовых цветов. Айша была бы очень рада.

Время для перенасытившегося впечатлениями эльфа пошло чуть быстрее.

http://tl.rulate.ru/book/94178/3212808